

Vertaalwedstrijd Russisch-Nederlands 2026

Levende Talen Russisch schrijft dit jaar voor de achtste keer een vertaalwedstrijd uit. Samen met de voorzitter van de jury is een fragment gekozen uit *Фарфор*, een roman van Joerij Karakoer uit 2020.

De jury van de vertaalwedstrijd die opnieuw bestaat uit de leden Eric Metz (voorzitter), Otto Boele en Emma de Klerk zal zich wijden aan het selecteren van de beste vertaling(en) – de vertalingen worden geanonimiseerd beoordeeld – en aan de jury de eer om aan het einde van onze *Studiedag Levende Talen Russisch* op 19 september 2026 (**locatie volgt**) de prijswinnaar(s) bekend maken. Boekhandel Pegasus stelt een prijs (prijzen) beschikbaar.

Dit is het te vertalen fragment in Word.

U wordt van harte uitgenodigd om mee te doen aan onze vertaalwedstrijd.

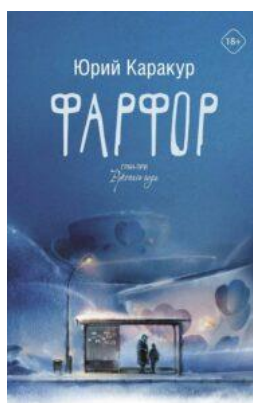
Wij verwelkomen u graag op onze studiedag. **Houd voor locatie en aanmelden onze site in de gaten.**

Spelregels:

- U mag maximaal één vertaling per persoon inzenden
- Stuur uw vertaling in naar het speciale e-mailadres van de jury: vertalers.russisch@gmail.com
- De inzendtermijn sluit op zondag 6 september 2026 om 24.00 uur
- Wij publiceren de prijswinnende vertaling(en) op onze website

Юрий Каракур

Joerij Karakoer is een Russische schrijver die woonachtig is in Almaty, Kazachstan. Opgeleid als docent Russische taal en literatuur, bespreekt hij regelmatig Russische literatuur op zijn eigen YouTubekanaal "[Литература под надзором Каракура](#)". Karakoer won in 2020 met zijn boek *Porselein* de Grand-prix premie *«Рукопись года»* ('Manuscript van het jaar') van uitgeverij Astrel' SPb. Zijn werk werd niet eerder vertaald naar het Nederlands. Zie onze website voor meer informatie over Karakoer.

Фарфор

Porselein gaat over kwetsbare dingen: over de broze ouderdom, over een schuchtere kindertijd, over buurvrouwen in het trappenhuis die plotseling van het bankje verdwijnen, over een rokerige kerk op de bovenste verdieping van het ziekenhuis, over een treinstel met zitplaatsen waarin een vrouw de hele nacht luid snurkte, over zoekgeraakte brieven uit Marioepol, over rode bessen die bloeden als je ze onvoorzichtig van de tak plukt, over de wereld, bekeken van onder de klep van een gloednieuwe USA California-baseballpet.

Karakoer heeft het te vertalen fragment uit *Porselein* zelf gekozen en licht aangepast voor de vertaalwedstrijd. Hij is blij verheugd en trots dat we zijn boek hebben gekozen.

ЮРИЙ КАРАКУР

ЛЕДОКОЛ (отрывок из романа “Фарфор”)

Несколько лет назад у тёти Лары обнаружилась катаракта, которая с тех пор тихо, тупо мутнела. А в следующем году тётё Ларе должно было исполниться восемьдесят лет, и эти цифры как будто сияли над нею. После выхода на пенсию она и так жила с чувством, что в её возрасте надо бы уже побережиться, старела щепетильно, придирчиво, всё принимала, всем растиралась. А теперь и вовсе села на трон. «Галочка, чай будет?» Между ними было всего семь лет разницы, но получалось так: молодая сестра и старая сестра. Дома о слеповатой старости тёти Лары заботилась дочь Таня, а здесь, в гостях, забота поручалась бабушке. Чтобы не повысилось давление, чтобы не было запора, чтобы невралгия не обострилась! И бабушка, как могла, служила тётелариному долголетию: готовила постное, замачивала чернослив кипятком, мыла посуду, ни в чём не противоречила. Ела тётя Лара уменьшительно-ласкательно (огурчик, редисочка, яблочко, всё в тёрочку) и до шести вечера, а всё жареное критиковала. Иногда тётя Лара близоручко чистила яичко от скорлупки или яблочко от кожицы – а в остальном отдыхала, чтобы не умереть. Пока бабушка мыла посуду после завтрака (овсянка пригорела и не отставала от дна кастрюльки), тётя Лара тонизировалась вьетнамской «Звёздочкой», после обеда (посуда возрастала: ковшик, половник, суповые тарелки, салатничек, пиалочка) тётя Лара ну полчасика дремала, после ужина (тяжёлая, подавляющая жиром сковородка, прокипятить, потом содой) тётя Лара доставала массажёр – бугристое колёсико на палочке – и катала по шее.

С приездом тёти Лары наша жизнь вставала перед ней, как перед плотиной, и плесневела у низких берегов, но на картошку мы всё равно ходили через день – собирать колорадских жуков. И тётя Лара, в белой блузе, в панамке, ходила с нами.

Картофельное поле было недалеко от дома – пройти до остановки и спуститься через высокую траву. Поселковый совет поделил это поле на участки и за небольшие деньги сдавал жителям, пенсионерам – по льготной цене. В основном, там выращивали картошку (из ведра – чудо арифметики – пять мешков), но бабушка делала в центре участка и маленькую весёлую грядочку моркови – сюрприз, неожиданность, морковка шутит из земли попками. Правда, вырастала она тощая, потому что на участках не было воды, а носить – далеко и ноги не те, но бабушка была довольна такой морковью, сушила её на под-оконнике. Летом ногой пнёшь, а зимой в пирог загнёшь.

Тётя Лара экскурсионно радуется погоде. «Жарко, конечно, но хороший ветерок», – одобряет она. «Лара, ты вот посиди тут на травке. – И бабушка сажает её в травку – на хозяйственную сумку, чтобы не испачкать брюк. – А то споткнёшься не дай бог о землю и упадёшь». Тётя Лара остаётся в обрамлении цветов цикория, а мы крупными шагами идём по меже, с завистью рассматриваем крепкие чистые кусты, с чувством собственного превосходства осуждаем участок Славки Латышева, у которого жуки уже всё доедают.

– Бабушка, а что это такое пери что-то? Тётя Лара говорила, когда вышла из туалета.

– Перистальтика, – недовольно отвечает бабушка и переводит: – Да просрать просто не может.